

Много шума из ничего

У нас в Липецке комедия — как всякая своевольная госпожа — играет свою роль. В постановке режиссёра Геннадия Балабаева «Примадонны», как и прочие его комедийные спектакли, пользуется невероятным успехом у зрителей. И весьма справедливо. Липецкий театр потянулся вслед за постановкой МХТ им. Чехова, где главные роли сыграли Дмитрий Дюжев и Юрий Чурсин, и вслед за постановкой Санкт-Петербургского театра «Буфф».

Сцена сверкает и переливается — так, по крайней мере, кажется из-за серебристых ярких декораций, блестящих лестниц и сверкающих платьев — и складывается впечатление, что на сцене персонажи, проживая жизнь, разыгрывают роли, создавая спектакль в спектакле. Ощущение сцены не теряется на протяжении всей постановки. Но это восприятию зрителя совершенно не мешает. Почти два с половиной часа пролетают за один миг, а всё потому, что событий так много, что не успеваешь размышлять и анализировать их. Помимо собственной сюжетной линии в постановке то тут, то там «мелькает» Шекспир: в диалогах, в именах или в отсылках к бессмертным произведениям.

Два молодых английских актёра: Лео Кларк (Александр Малахов) и Джек Гейбл (Роман Коновалов) с классической шекспировской школой и шекспировским репертуаром за плечами оказываются без работы и средств к существованию. Таланты их становятся никому не нужными, а сами они остаются на улице. На самом пике отчаяния на глаза им попадает газетная заметка, в которой умирающая богатая дама ищет двух племянниц, потерянных много лет назад. После смерти богатство дамы разделится между эти пропавшими девушками и третьей племянницей Мэг (Елена Пронина), которая и проживает сейчас в одном доме со старушкой в Йорке.

Борясь с сомнениями и считая, что судьба в виде газетной заметки сама приплыла им в руки, Лео Кларк и Джек Гейбл — знакомая переключка фамилий — устраивают «цирк» с переодеванием и становятся двумя очаровательными племянниками: Макси и Стиви соответственно. Однако обещанные деньги не так-то легко получить — старая дама умирать совсем не собирается, жених третьей племянницы Мэг не собирается верить двум странным девушкам, а доктор, питающий склонность к хозяйке дома, всё норовит выгодно женить своего сына или (если не выйдет с отпрыском) жениться самому.

Вполне себе невинный спектакль с переодеванием осложняется влюбленностью Лео Кларка в Мэг, а пастор с внешностью и повадками беса всё время жаждет вывести «девушек» на чистую воду. В середине никто уже не кажется самим собой — скромная Мэг превращается в ослепительную молодую актрису, доктор ходит по сцене с оленьими рогами на голове, собираясь конкурировать с собственным сыном за любовь ненастоящей племянницы Стиви, в пасторе остается ещё меньше набожного и пасторского, чем казалось вначале. Плюс ко всему, невозможно не оценить чувство юмора режиссёра: «умирающая» тётка Флоренс является самым колоритным персонажем пьесы, хотя бы потому, что её играет мужчина (Пётр Коновалов). «Она» говорит басом, ругается, курит и в каждый свой выход щеголяет в новом платье.

«Примадонны» — нехитрая переключка с комедиями «В джазе только девушки» и «Тутси». Вдобавок, аллюзии к «Двенадцатой ночи» Шекспира: сам фокус с переодеванием, спектакль в спектакле, который собираются ставить в доме тётки, а также цитаты и реплики «Вильяма нашего Шекспира», проигранные в рамках пьесы Кена Людвига.

В спектакле там много шума, блёсток, музыки, фокусов, что за этим уже не видно сути, и хочется задать вполне резонный вопрос: а была ли она вообще? Есть ли в предложенном нам зрелище что-то кроме зрелища? Или липецкий зритель всё равно не требует большего, чем просто отвлечься от тяжких серых будней?

А может быть, в репертуаре музыкально-драматического театра должны быть такие спектакли — яркие, громкоголосые, шумные, но ничего не содержащие внутри? Так, чтобы вообще ни о чём не думать — и без того живётся тяжело. Обилие Шекспира и цитат, и сама многослойность зрелища — как умелое и профессиональное пускание пыли в глаза. Ведь ни одна худо-бедно поднимающаяся проблема не решается до конца.

Например, реализация актёра в современном мире, где практика театра времен Шекспира с перевоплощением мужчин в женщин осталась только в разряде комедийного жанра, а талант и мастерство актера уже никому не нужны. Или предательское забвение классиков, хотя Шекспир, как убеждают сами герои, жив и встречается в обычной жизни на каждом шагу.

Это проблемы, которые вроде бы есть в спектакле, а вроде бы и нет — настолько невнятное указание на них, что совершенно не доказывает, что режиссёр вообще имел что-то подобное в виду.

Должна признаться: мне как зрителю не хватило глубины в постановке. К концу возникло ощущение, что чего-то недостаёт. Слово реальность не оправдала ожидания. Всё же тема с комическим переодеванием не настолько нова в искусстве, чтобы поразить одной своей формой. Но, возможно, ощущение моё ложно, и я требую глубины от того, что в принципе должно просто говорить само за себя одним своим видом. Ведь в любом случае зрелище было шикарным — поддерживало интригу, вызывало смех в самых неожиданных моментах, заставляло сопереживать и сочувствовать Макси и Стиви (а что будет, если их раскроют?) и наслаждаться безупречной игрой актёров.

Фото с [сайта](#)